

Глава 4. Чёрная роза 03

Поскольку он не взял с собой телефон, Чэнь Шаньваню пришлось некоторое время коротать время без дела. Ощущение пристального взгляда, от которого, казалось, вовек не избавиться, вновь прилипло к его спине, словно паутина, облепившая его, заставляя чувствовать себя мотыльком, беспомощно бьющимся в сетях. Он почувствовал странную неловкость.

Как раз, когда Чэнь Шаньвань уже собирался уйти, так и не дождавшись, пока тот наверху определится с тем, что хочет съесть, раздался скрип старого механизма.

Была глубокая ночь, кругом царил тишина. В условиях, когда Чэнь Шаньвань отчётливо слышал собственное сердцебиение и дыхание, такой звук мог вызвать мурашки, но он, напротив, почему-то вздохнул с облегчением.

Отправленная им карточка была почти пустая, но тот наверху прислал взамен другую.

На ней было написано:

[Всё подойдёт.]

Если так, то к чему было колебаться?

Впрочем, возможно, именно из-за «всё подойдёт» он и колебался.

Чэнь Шаньвань не стал писать ответ, просто бросил карточку в мусорное ведро и открыл холодильник.

Вспомнив, что там есть тосты, и раз уж дело в голоде, а не в желании покушать чего-нибудь вкусенького, он решил сделать сэндвич и стакан молока для хорошего сна.

Работодатель ведь тоже говорил, что тот наверху непривередлив в еде.

Чтобы тот наверху не остался голодным, Чэнь Шаньвань специально приготовил две порции и налил большую кружку молока.

Пока он хлопотал на кухне, чёрная роза стояла на обеденном столе, безмолвно впитывая его образ.

Поскольку было неясно, предпочитает ли тот наверху есть руками или столовым прибором, Чэнь Шаньвань также подготовил нож и вилку.

Платформа медленно поднялась, и на этот раз её сразу не опустили.

Чэнь Шаньвань хотел подождать, чтобы помыть тарелки вместе с подносом, но вниз спустилась лишь недопитая кружка молока и новая карточка.

[Не допил.]

В глазах Чэнь Шаньваня вновь мелькнуло чувство досады.

Надо было спросить об объёме порций... Это молоко было очень дорогое, и выливать его, было расточительством.

Будь это он сам, недопитое молоко пошло бы на жареные молочные палочки, но нельзя же не выливать... Ведь он не может заставлять брата работодателя есть несвежую еду.

Чэнь Шаньвань вылил молоко и помыл кружку.

Немного подумав, он всё же поднялся наверх, чтобы взять свои стикеры и ручку.

Он сам поинтересовался насчёт посуды, которая пропадала весь день.

На руках Чэнь Шаньваня оставались невытертые капли воды, и на маленьком стикере остался слабый влажный след от прижатого ребра ладони.

Чэнь Шаньвань не придавал этому особого значения, и положил стикер на подъёмную платформу.

Вообще, он считал это несколько хлопотным, лучше бы у того наверху был телефон, так было бы гораздо проще. Ведь этот подъёмный механизм производил впечатление, что в любой момент может развалиться.

Чэнь Шаньвань подумал, что в следующий раз обязательно об этом спросит.

Чэнь Шаньвань ждал довольно долго, пока, наконец, вниз не спустились все тарелки.

Когда он потянулся, чтобы взять их, то заметил, что тарелки были чистыми, будто их уже вымыли.

Чэнь Шаньвань промолчал.

Хотя он и подумал, а не вылизывал ли тот наверху тарелки, его выводы были просты: либо его кулинарные навыки получили признание, либо это просто странная привычка, и последнее казалось более вероятным. В конце концов, у того наверху психическое заболевание, а от людей с психическими расстройствами можно ожидать чего угодно.

Чэнь Шаньвань всё же положил тарелки в посудомоечную машину, но, наклоняясь, неизбежно приблизился к ним.

Было ли это его воображением или нет, но ему показалось, что от этих тарелок исходит лёгкий запах, похожий на запах травы после дождя, смешанный с влажной землёй.

Это заставило Чэнь Шаньваня замереть, но всего на секунду, затем он закрыл дверцу и включил посудомоечную машину.

Он никогда не был любопытным человеком, и практически никогда ничего не выяснял по собственной инициативе.

Хотя он и чувствовал, что в этом доме есть что-то необъяснимо странное, но как молодой материалист, Чэнь Шаньвань уважал все предпочтения владельца дома и все незаконные распоряжения работодателя.

Ведь ему платили 500 юаней в день...

Это была самая высокооплачиваемая подработка из тех, что попадались Чэнь Шаньваню.

Отработать месяц и получить пятнадцать тысяч.

Пятнадцать тысяч... Тогда можно будет перевести пять тысяч в приют, а себе оставить десять.

Вообще, директор приюта не раз предлагал Чэнь Шаньваню остаться, уверяя, что он вполне может продолжать жить в приюте, но Чэнь Шаньвань отказывался.

Во-первых, в приюте было мало комнат для взрослых, во-вторых, если он займёт одну, то детям-инвалидам, которые не могут сами о себе позаботиться и не были усыновлены, но выросли в приюте, достанется на одну кровать меньше.

У него были и руки, и ноги, если бы не было денег, он мог бы пойти на завод работать на конвейере, но не отбирать у них место.

Включив посудомоечную машину, Чэнь Шаньвань собрался подняться наверх, но неожиданно механизм вновь заработал.

Замерев, он подождал, пока платформа спустится. На ней лежали карточка, засушенный цветок чёрной розы и сложенная своими руками из голографической бумаги ваза.

Очень красивая.

Чэнь Шаньвань слегка приподнял брови, его сдержанное выражение лица заметно оживилось.

Он взял вазу, сложенную из разноцветной голографической бумаги, и покрутил в руках, от чего засушенная чёрная роза в маленькой, но изящной бумажной вазе, слегка покачнулась.

Услышав звук, Чэнь Шаньвань вспомнил, что засушенные цветы довольно хрупкие, и беспокойно взглянул на чёрную розу.

Ни листочки, ни лепестки не осыпались, и вообще она не выглядела готовой развалиться.

Чэнь Шаньвань вздохнул с облегчением.

Хотя здесь, казалось, не было камер, но, если подарок, только что переданный ему другим человеком, повредится прямо у него в руках, он всё равно будет чувствовать некоторую неловкость.

Чэнь Шаньвань взял карточку с платформы и увидел на ней надпись:

[Господин Чэнь, эту вазу я сложил сам, цветок засушил тоже сам. Если Вам понравится, можете поставить в комнате, чтобы добавить красок в унылой спальне ^^]

Чэнь Шаньвань замер, ему на самом деле очень понравилась эта ваза.

В детстве больше всего он любил вместе с братьями, сёстрами, младшими братишками и сестрёнками складывать бумажные фигурки. В приют часто приносили много старых газет, некоторые были уже довольно потрепанными, и директор склеивала их скотчем, а если буквы было уже невозможно разобрать, то отдавала им для поделок.

Чэнь Шаньвань очень любил складывать вазы, но из макулатуры получались некрасивые вазы. Однажды, гуляя на улице, он прошёл мимо рукодельной лавки, у входа которой стояла выставка бумажных изделий, среди которых была невероятно красивая ваза.

Он не знал, как она была сделана, и надолго застыл в изумлении, так надолго, что из лавки

вышла добрая девушка и спросила, не хочет ли он попробовать.

Чэнь Шаньвань мельком увидел на плакате цену — 66 юаней за занятие, сжал в кармане драгоценный юань, который директор дала ему и который он долго хранил как память, тихо опустил голову, сказал «нет» и ушёл.

До сих пор Чэнь Шаньвань помнил, что та ваза была сложена из голографической бумаги и невероятно красиво переливалась на солнце, словно разноцветный стеклярус. Настоящего стекляруса он не видел, но читал описание в книжках.

Таким, как он, не дано обладать стеклярусом, но разве нельзя иметь хотя бы вазу, похожую на него?

Чэнь Шаньвань опустил глаза, улыбнулся и аккуратно написал на обороте карточки: «спасибо», пририсовав ещё улыбающегося человечка.

[Мне очень нравится.]

Механизм со скрипом поднялся наверх, и «Он» узнал содержание ещё до того, как увидел карточку.

«Он» пристально смотрел на не сходящую улыбку Чэнь Шаньваня, подтверждая, что сейчас тот радостнее, чем, когда смотрел в телефон, и чувство победы наполняло «Его» безмерной радостью.

Улыбка Чэнь Шаньваня вновь была подобна солнечному свету, падающему на мрачные чёрные розы, заставляя «Его» чувствовать, как прекрасен мир.

Даже зная, что тому нравится не роза, а ваза, «Он» всё равно был удовлетворён.

Ведь эту вазу сложил «Он», и бумага для неё была не обычной.

Это была цветная бумага, изготовленная по особому методу из пепла «Его» костей, смешанного с кровью.

Этой ночью...

«Он» наконец-то снова сможет наблюдать, как тот засыпает.

.

В ту ночь Чэнь Шаньваню приснился сон.

Ему приснилось его детство.

Тогда в приюте, поскольку он был очень сознательным, директор ему доверяла, и он часто мог выходить из приюта, чтобы поиграть в парке поблизости.

В то время там сносили одно старое здание, и Чэнь Шаньвань ничего не делал, просто сидел в тени деревьев и смотрел, погружённый в свои мысли.

Он и сам не понимал, что делает, бессмысленно тратил время, о чём сейчас вспоминает с презрением.

Позже, учась в школе, Чэнь Шаньвань узнал слово «подростковый максимализм» и почувствовал, что, кажется, уже прошёл через период «максимализма».

Потому что тогда чаще всего он думал, что не принадлежит этому миру.

Когда он смотрел на этот мир, на людей в этом мире, то всегда необъяснимо ощущал их «плоскость».

Это было очень трудно описать словами, и маленький Чэнь Шаньвань долго был в замешательстве.

Но сейчас Чэнь Шаньвань понял.

Просто потому, что его бросили в приюте, он тогда не мог найти смысл своего существования. Поэтому, глядя на окружающих, он чувствовал, будто смотрит телесериал.

И теперь в этом сне он вновь вернулся в тот момент перед тем старым зданием, которое сносили.

Снос был завершён наполовину, и поскольку денег не хватило, процесс сноса остановился.

И там он обнаружил цветок.

На жидком травяном покрове он увидел непохожий на другие цветок.

В то время Чэнь Шаньвань ещё не знал, как называется этот цветок, знал только, что он чёрный и рос там, легко привлекая его внимание.

И поскольку больше никто его не замечал, он считал его своим «сокровищем».

Он подошёл и сказал цветку: «Привет, маленький чёрный цветочек, меня зовут Чэнь Шаньвань».

Маленький Чэнь Шаньвань протянул свою беленькую ручку и с любопытством потрогал шипы, обвивающие стебель.

Острый шип проколол его пальчик, крошечная капелька крови, которую он сам не заметил, просочилась наружу и мгновенно была поглощена шипом.

Чэнь Шаньвань сморщился и даже пожаловался: «Ты сделал мне больно».

Но он был великодушен: «Но я не против».

Пятилетний Чэнь Шаньвань был очень наивен: «Раз только я нашёл тебя, значит, ты мой... Я заберу тебя домой».

Он посмотрел на частично снесённое здание неподалёку: «Иначе эти штуки тебя задавят».

Маленький Чэнь Шаньвань как сказал, так и сделал. Он нашёл там инструменты, лопатой выкопал чёрный цветок, и забрав его с собой, счастливый, понёс в приют охапку земли с цветком.

Но он не видел...

Что в выкопанной им земле вдруг обнажилась маленькая белая грудная кость.

<http://bllate.org/book/12897/1133576>